

ЧЕРЧІЛЬ ПРО ТРОЦЬКОГО CHURCHILL ABOUT TROTSKY

До сторіччя більшовицького перевороту в Росії

Відомо, що мотором захвату влади у Петрограді, який потім назвали «великою жовтневою революцією», організатором і творцем «червоної армії» був кривавий Лев Троцький (Лейба Давидович Бронштейн). Не менш кривавий революціонер Ленін очолив процес трохи пізніше...

Лев Троцький мабуть самий витончений ворог українців, бо провів серед них дитинство і юність. Народився він в багатій єврейській сім'ї і ніколи не співчував бідним та приниженим інших націй в російській імперії. Їм рухали марксизм та честолюбство...

Уинстон Черчилль:

«В натуре Троцкого были спрятаны все качества, необходимые в искусстве уничтожения общества.»

Когда узурпатор и тиран опускается до литературной полемики, когда коммунист не делает бомбы, а изливает душу в капиталистической прессе, когда беглый военачальник вновь и вновь переигрывает свои сражения, когда отставленный палач превращается в говоруна у салонного камина, мы можем возрадоваться признакам наступления лучших дней.

Передо мной лежит статья, которую Троцкий, он же Бронштейн, недавно написал для еженедельника John O'London's Weekly. В ней он рассуждает о характеристиках, данных мной Ленину, об интервенции союзников в России, о лорде Биркенхеде и других спорных темах. **Троцкий написал ее в турецком изгнании, откуда он направлял петиции в Англию, Францию и Германию с просьбой пустить его в ту самую цивилизацию, разрушение которой было и остается главной целью его жизни.** Россия, его собственная Красная Россия, которую он, невзирая на страдания других и риск для себя, кроил и сшивал по собственному произволу, выбросила его вон. Все его интриги, все его дерзкие свершения, все его труды, все его призывы, все его жестокости привели только тому, что другой «товарищ», его

подчиненный в революционной иерархии, слабее его умом, хотя, возможно, и равный ему по количеству преступлений, правит, заняв его место, а он, тот, который когда-то был триумфальным Троцким, один хмурый взгляд которого означал смерть для многих тысяч людей, превратился в наполненный злобой бурдюк, безутешно застрявший на берегах Черного моря и позднее выброшенный на побережье Мексиканского залива.

Ему было трудно угодить. Ему не нравился царь, и поэтому он убил его и его семью. Ему не нравилось правительство Российской империи, и поэтому он взорвал его. Ему не нравился либерализм Гучкова и Милюкова, и поэтому он сверг их. Он не мог выносить социально-революционную умеренность Керенского и Савинкова, и поэтому он сел на их место. А когда коммунистический режим, за победу которого он боролся изо всех сил, наконец победил по всей России, когда диктатура пролетариата стала верховной властью, когда новый общественный порядок из теории превратился в практику, когда ненавистные традиции и культура периода индивидуализма были уничтожены, когда секретная полиция стала на службу Третьего интернационала, короче говоря, когда он приплыл на свою Утопию, он все еще не чувствовал удовлетворения. Он все еще ярился, рычал, ворчал, кусался и плел интриги.

Он поднял бедных на богатых. Он поднял нищих на бедных. Он поднял преступников на нищих. Все случилось так, как он хотел. Но пороки человеческого общества требовали все новых плетей. Опустившись на самое дно самой глубокой впадины, он с отчаянной энергией попытался нырнуть еще глубже. **Бедный негодяй, на дне он напоролся на скалу. В мире нет ничего ниже преступного коммунистического класса.**

Напрасно он обращал свои взоры на царство диких зверей. Обезьяны не могли оценить его

красноречия. Волки, численность которых заметно возросла за годы его правления, не подчинялись указам о мобилизации. Преступники, получившие должности из его рук, выступили сообща и выгнали его вон.

Вот почему появились эти болтливые статьи. Вот почему с Босфора донесся этот вой. Вот почему слышится мольба о разрешении посетить Британский музей с целью изучить его документы, или отправиться на воды в Малверн лечить ревматизм, или в Наухайм лечить сердце, или в Хомбург лечить подагру, или куда-нибудь еще за чем-нибудь еще. Вот почему он сидит угрюмо в тени на турецком берегу под пристальным взглядом Мустафы Кемала. Вот почему он был вынужден покинуть Францию и Скандинавию. Вот почему последним его пристанищем стала Мексика.

Нельзя не удивиться тому факту, что Троцкий при всем своем интеллекте не может понять отчетливую неприязнь цивилизованных правителей к ведущим представителям коммунистического движения. Он пишет так, как будто она обусловлена простыми мелкими предрассудками против новых идей и соперничающих политических теорий. Но коммунизм — это не просто верование. Это план действий. Коммунист — это не просто носитель определенных взглядов, он еще и заклятый адепт тщательно продуманных средств для их осуществления. Изучены каждая фаза, каждый аспект анатомии недовольства и революции и составлен настоящий учебник по подрыву существующих общественных институтов. Способы осуществления являются такой же частью коммунистической религии, как и само учение. Сначала для защиты младенца используются освященные временем принципы либерализма и демократии. Свобода слова, право на публичные митинги, любые формы легальной политической агитации и конституционные права идут парадом по улицам, и их никто не отрицает. Заключаются союзы с каждым общественным движением на левом фланге.

Создание умеренного либерального или социалистического режима в период общественных потрясений становится первым этапом. Но как только он оказывается у власти, его тут же свергают. Неприятности и общую нехватку всего, вызванные смутой, надо использовать. Между представителями нового правительства и рабочими нужно устраивать схватки, по возможности кровавые. Надо создавать мучеников. Из примирения правящих кругов тоже необходимо извлекать прибыль. Пропаганду пацифизма можно использовать как маску, скрывающую ненависть, которой ранее люди никогда не знали. Доверие исключено; точнее, его нельзя оказывать некоммунистам.

Каждый акт доброй воли, терпимости, примирения, милосердия и великодушия, предпринятые правительством или государственными деятелями, должен использоваться для того, что-

бы сокрушить их. А затем, когда подойдет время и наступит удобный момент, нужно не мешкая и без сожаления использовать любые формы смертоносного насилия — от восстания уличной толпы до убийств конкретных людей. Цитадель будет взята под флагами свободы и демократии, а как только аппарат власти окажется в руках вождя движения, вся оппозиция, все несогласные должны быть уничтожены навсегда.

Возможно, Троцкий никогда не понимал марксистского вероучения, но он был несравненным знатоком его наставлений. В его натуре были спрятаны все качества, необходимые в искусстве уничтожения общества: организационный талант, как у Карно, холодный отстраненный интеллект, как у Макиавелли, ораторская способность увлекать толпу, как у Клеона, жестокость, как у Джека Потрошителя, стойкость, как у Оутса. Его неустанную высокую способность к действию не ослабляли ни малейшее сострадание, ни человеческие чувства родства или духовного единства. Подобно раковой опухоли, он рос, он питался, он причинял страдания, он убивал в полном соответствии со своей природой.

Он нашел жену, которая разделяла его коммунистическую религию. Она работала и строила заговоры вместе с ним. Она поделила с ним тяготы его первой сибирской ссылки во времена царя. Она родила ему детей. Она помогла ему бежать. А он ее бросил. Он нашел родственную душу в девушке из хорошей семьи, которую исключили из харьковской гимназии за то, что она призывала учеников не ходить на молитву и читать вместо Библии коммунистическую литературу. С ней он создал еще одну семью. Как пишет один из его биографов (Макс Истман), «при точном толковании закона она не была ему женой, так как Троцкий никогда не разводился с Александрой Львовной Соколовской, которая до сих пор носит фамилию Бронштейн». О своей матери он пишет холодно и бесстрастно. Его отец — старый Бронштейн — умер от тифа в 1920 году в возрасте 83 лет. Триумф сына не принес счастья этому честному, трудолюбивому, верующему еврею. Красные его преследовали за то, что он был буржуазией, белые — за то, что был отцом Троцкого. Брошенный сыном, он остался плыть по волнам русского потопа, и он упрямо плыл до конца. А что еще ему оставалось?

И все-таки в Троцком, индивидууме, так далеко от обычных человеческих привязанностей и чувств, так резко возвышающемся, давайте скажем так, на фоне рядовой паствы, так прекрасно подготовленном для выполнения своей задачи, был один элемент слабости, который с коммунистической точки зрения был особенно серьезен. Троцкий был амбициозен, и амбициозен в самом обычном смысле этого слова. Никакой коллективизм в мире не мог отнять у него чувство эгоизма, который стал в нем болезнью, и болезнью роко-

вой. Он не только должен разрушить государство, он должен затем управлять тем, что от него останется. Он ненавидел любую систему управления, если она не предусматривала его в качестве командира или по крайней мере первого заместителя.

Это вело к проблемам. Друзья начинали завидовать. Встав во главе Красной армии, которую он сам же и создал, несмотря на неописуемые трудности и опасности, Троцкий очень близко подошел к опустевшему трону Романовых. Коммунистические принципы, которые он с таким уничтожающим эффектом применял в отношениях с другими, теперь не могли ему помешать. Он отбросил их с той же легкостью, с какой он забыл свою жену, отца и собственное имя. Необходимо перестроить армию, необходимо добиться победы, сделать это должен Троцкий, и Троцкому это должно пойти на пользу. А зачем же еще делается революции? Он использовал свой исключительный талант в полном объеме. Офицеров и солдат армии нового типа кормили, одевали лучше, чем кого бы то ни было еще в России, соответственным было и отношение к ним. Офицеров царской армии тысячами уговаривали вернуться. «К черту политику, давайте спасать Россию». Было восстановлено отдание чести. Возвращены знаки различия и старшинства. Командирам вернули их полномочия. Старшие офицеры и генералы обнаружили, что эти коммунистические выскочки относятся к ним с таким уважением, которого они никогда не чувствовали в кабинетах царских министров. А когда союзники оставили русское патриотическое движение, эти меры увенчались победой легкой, но полной. В 1922 году военные настолько высоко ценили Троцкого за его личное отношение к армии и ее строительству, что они могли сделать его диктатором России, если бы не одно роковое обстоятельство.

Он был евреем. Он все еще был евреем, и ничего с этим нельзя было поделать. Перенести тяготы судьбы, бросить семью, опозорить свой народ, наплевать на религию отцов, объединить еврея и гоя в общей ненависти — и все это для того, чтобы по такой глупой причине упустить столь великий трофей?! Действительно трудно смириться с таким фанатизмом, такой пошлостью, таким ханжеством. А это бедствие вело за собой еще большие неприятности. Разочарование повлекло за собой катастрофу.

А все потому, что товарищи не сидели сложа руки. Они тоже прислушивались к разговорам офицеров. Они тоже видели, на что способна армия, перестроенная на основе старых кадров. Пока был жив Ленин, угроза казалась не очень реальной. Ленин действительно считал Троцкого своим политическим наследником. Он пытался защитить его. Но в 1924 году Ленин умер, а Троцкий, который все еще был занят своей армией, все еще управлял своим департаментом, все еще купался в восхвалениях, ранее посвящавшихся только Николаю II, вдруг обнаружил, что против него организована крепкая и плотно сбитая оппозиция.

Какое место займет он в истории? Несмотря на все ужасы Французской революции, яркий свет освещает ее сцену и лица действующих на ней актеров. Вот уже сто лет мрачно сияют на ней жизненные пути таких личностей, как Робеспьер, Дантон и даже Марат. Но скучные и убогие фигуры русских большевиков не вызывают интереса даже размерами своих преступлений. Все неординарное, контрастное затоплено широким азиатским наводнением. Даже смерть миллионов и страдания десятков миллионов не вызовут у будущих поколений интереса к их грубым лицам и диковинным именам. К сегодняшнему дню многие из них уже поплатились за свои преступления. Из тюрем ЧК они появились на свет, чтобы сделать перед всем миром свои странные противоестественные признания. Они встретили свою смерть втайне, такой же, какая окружала смерть столь многих более достойных и храбрых людей, которых они приговаривали когда-то сами.

Из серии очерков «Мои великие современники» – литературные портреты выдающихся политических и военных деятелей, написанные Уинстоном Черчиллем с 1929 по 1939 год.

*Перевод и примечания
Сергея Струкова*